

божественного и «глубинного» — животного. У. Джеймс назвал *религиозным опытом* переживания могущественного и непреложно истинного, «... полное реагирование человека на жизнь... Полное реагирование отлично от случайного и частичного так же, как всепоглощающие переживания не похожи на привычные и обыденные. Для того, чтобы обрести такие переживания, надо уйти от поверхности жизни и углубиться в восприятие целостности космоса как предвечного бытия...». Глубинное реагирование на жизнь сопровождается переживанием *торжественности*.

Архетип *Самости* предстает в образах *внутреннего учителя* — даймона, Старца или Старухи — *зрелой личности*, представляющей целостность человеческой души. Слышать душу и Дух, внутренний голос и предназначение — главная задача человека. *Развитие*, в этом смысле, есть *стремление к Духу*.

В целом, архетипическая теория описывает путь, который может пройти человек с целью обретения *индивидуальности*. Преодоление испытаний на этом пути дает возможность состояться *Взрослому Культурному Человеку*, что, по К. Г. Юнгу, и является задачей состоявшейся человеческой жизни.

Е. С. Пургина
Екатеринбург

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В РОМАНАХ Э. М. ФОРСТЕРА

Когда-то Эдвард Морган Форстер (1879 — 1970) написал о своем кембриджском друге Г. Л. Дикинсоне: «Он не просто помогал нам узнать новое, но пробуждал в нас чувствительность ко всему неизведанному, заставлял нас верить в других людей одним лишь фактом своего существования» (здесь и далее перевод мой. — Е. П.). Те же слова можно было бы отнести и к самому Форстеру. Гуманистические взгляды, которых он придерживался и упорно защищал на протяжении всей жизни, сделали его в Англии XX века чем-то вроде культовой фигуры, воплощением порядочности, высоких моральных принципов, терпимости и здравого смысла, своеобразным нравственным ориентиром для общества. Форстер воспринимался как человек, способный противостоять общественному мнению, равно как и любому другому давлению извне, и остаться верным своим принципам, сохранить свою индивидуальность и внутреннюю свободу. В форстеровской философии во главу угла ставится отдельный человек, частная жизнь, взаимоот-

ношения с другими людьми («У меня нет мистической веры в людей. Я верю в отдельного человека»). Поэтому кардинальными добродетелями форстеровского мира становятся «терпимость, доброжелательность, симпатия» (tolerance, good temper, sympathy) — качества, которые делают человека гибким и открытым миру, помогают ему «спастись», уберегают от духовного краха. Добром является то, что помогает людям лучше понять друг друга, злом — все, что их отдаляет и приводит к отчуждению. Симпатии и терпимости Форстер противопоставляет веру (faith), т. е. все, что «мертвит», ведет к непониманию, фанатизму и жестокости.

В ранних романах Форстера нравственные победы одерживаются героями, наделенными воображением, способными сопереживать, проявлять терпимость (Кэролайн Эббот и Филипп Герритон из «Куда боятся ступить ангелы», Люси Ханичерч из «Комнаты с видом»). Им противостоят персонажи, неспособные к духовному перерождению, жесткие и фанатичные. Например, в романе «Куда боятся ступить ангелы» Филипп Герритон, его сестра Гарриет и их общая знакомая Кэролайн Эббот приезжают в Италию, чтобы «спасти» ребенка, оказавшегося в руках «неблагонадежного», по их мнению, итальянского отца. В Италии, стране природных инстинктов и бурных страстей, Кэролайн и Филипп переживают «прозрение», отказываются от чужих, навязанных им мнений (забрать ребенка необходимо для поддержания престижа его семьи и т. д.), осознают ценность, того, что, по Форстеру, действительно значимо в жизни, — дружбы, симпатии, взаимопонимания. Видя, как отец-итальянец привязан к младенцу, Кэролайн и Филипп искренне отказываются от своего намерения. Но Гарриет неспособна измениться: «резкая, цельная, громоздкая», фанатично преданная замыслу своей матери, она похищает младенца, что приводит к его гибели. Пожалуй, это единственный раз, когда Форстер воспользовался столь откровенно шокирующим средством, чтобы передать свою главную идею, свое кредо как писателя-гуманиста: только люди имеют значение, только взаимоотношения между ними, только дружба, доброта и искренняя симпатия имеют значение, если же их нет, то приходит смерть.

«Частная жизнь — это зеркало, в которое глядится вечность», — говорится в знаменитом романе Форстера «Хауэрдз Энд». История взаимоотношений двух английских семей (Шлегелей и Вилкоксов) на символическом уровне становится историей спора о том, кто должен унаследовать Англию. Описывая события, развивающиеся в жизни Шлегелей и Вилкоксов, Форстер предлагает нам глубокое понимание социальных процессов и явлений,

свойственных английскому обществу. Одной из важнейших тем этого романа становится вопрос о взаимосвязи духовного мира человека и экономической, материальной реальности, определяющей его повседневную жизнь. «Деньги говорят, и деньги думают», — рассуждает любимая героиня Форстера, Маргарет Шлегель, развивая свою идею о том, что «сама сущность мира — экономическая» и что «глубочайшей бездной для человека является не отсутствие любви, но отсутствие денег». Проблема социального и экономического неравенства решается Форстером с нравственных, этических позиций: в его романе семья Вилкоксов оказывается косвенно виновной в бедственном положении клерка Леонарда Баста, что позволяет автору говорить об ответственности более состоятельных классов за судьбу тех, кто находится «внизу, под водой», за тех, «которые хотят воровать зонтики, а иногда действительно их воруют».

Романное творчество Форстера концентрируется вокруг эдвардианской эпохи, с которой он всегда сохранял глубокую внутреннюю связь: он неоднократно подчеркивал это, говоря о своей принадлежности к «самому краю викторианского либерализма» и приверженности тому, что сам он называл «старой моралью». Форстер страшился «нового мира», пришедшего на смену эдвардианской Англии. Единственное, что можно противопоставить современному «миру насилия и жестокости», считал он, — это «старую мораль», веру в значимость отдельного человека и близких личных взаимоотношений, любви и дружбы. «Человек должен относиться с симпатией к другим людям, он должен доверять им, если не хочет, чтобы его жизнь превратилась в хаос, а значит, он должен стараться никому не причинять боли», — пишет он в своем эссе «Во что я верю». Мысль о значимости близких межличностных отношений, о ценности каждого человека независимо от его социального статуса, национальности или экономического положения неизменно присутствует во всех произведениях Форстера.

Е. Э. Рахова
Екатеринбург

К ОБОСНОВАНИЮ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Высокая ценность и самооценность личности требует осмысления ее онтологических оснований. Важно заметить при этом, что не всякая онтологическая система вмещает личностное бытие и не